«...Тянет нас вверх»:
топос в заключительных строках «Фауста» Гёте

Александр Е. Махов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, takhov636@yandex.ru*

Аннотация. В заключительных строках «Фауста» внимание исследователей привлекал прежде всего образ Вечной Женственности (“Das Ewig-Weibliche”), вызвавший массу толкований. Однако с точки зрения “Toposforschung” как филологического метода, разработанного Эрнстом Робертом Курциусом, не менее важна самая последняя строка – «...Тянет нас вверх (Zieht uns hinan)»: она помещает образ Вечной Женственности в исторический ряд вариаций топоса, который выражает представление о некой духовной силе, тянущей человека ввысь. В функции такой силы может выступать надежда (Иоанн Златоуст), мудрость (Гуго Сен-Викторский), правильное умозаключение (анонимное средневековое стихотворение), вечность (Вальтер Шатильонский), аналогический смысл в системе многосмысленного толкования (Абсалон Шпрингирсбахский), Богоматерь (Хильдегарда Бингенская), Иисус Христос (Ансельм Кентерберийский, Жоржетта де Монтене), поэзия (Джованни Боккаччо). Гёте обновляет топос, подставляя в его схему новый образ Вечно-Женственного. Если номинативная часть топоса (обозначение действующей на человека силы) менялась, то предикативная часть (обозначение самого действия) оставалась неизменной: во всех анализируемых примерах, как и в «Фаусте» Гёте, имеется глагол «тянуть/тащить» (латинский trahere, французский tirer, немецкий ziehen), показывающий, что духовное начало обладает материальной мощью.

Ключевые слова: топос, Вечная Женственность, Иоганн Вольфганг Гёте, Иоанн Златоуст, Вальтер Шатильонский, Хильдегарда Бингенская, Жоржетта де Монтене, Иоганн Себастьян Бах

Для цитирования: Махов А.Е. «...Тянет нас вверх»: топос в заключительных строках «Фауста» Гёте // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 9. С. 161–168. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-9-161-168

“...Draws us upward”.
Topos in the final lines of Goethe’s “Faust”

Aleksander E. Makhov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
makhov636@yandex.ru*

Abstract. In the final lines of “Faust” the attention of researchers was primarily attracted by the image of the Eternal Feminine (Das Ewig-Weibliche) that has given rise to a lot of interpretations. However, from the point of view of “Toposforschung” as a philological method developed by Ernst Robert Curtius, the very last line (“Draws us upward” – “Zieht uns hinan”) is no less important: it places the image of the Eternal Feminine in the historical sequence of variations of a topos which expresses the idea of a certain spiritual power that draws man upward. Various concepts can act as such a power: hope (John Chrysostom), wisdom (Hugo of Saint-Victor), right reasoning (anonymous medieval poem), eternity (Walter of Châtillon), anagogical sense in the system of polysemous interpretation of the Bible (Absalon of Springiersbach), Virgin Mary (Hildegard of Bingen), Jesus Christ (Anselm of Canterbury, Georgette de Montenay), poetry (Giovanni Boccaccio). Goethe updates the topos inserting in its scheme a new image of the Eternal Feminine. While the nominative part of the topos (designation of the force acting on man) was continually changing, the predicative part (designation of the action itself) remained unchanged: in all the analyzed examples, as in Goethe’s Faust, there is the verb “to draw” (Latin “trahere”, French “tirer”, German “ziehen”) which shows that the spiritual principle has material power.

Keywords: topos, Eternal Feminine, Johann Wolfgang Goethe, John Chrysostom, Walter of Châtillon, Hildegard of Bingen, Georgette de Montenay, Johann Sebastian Bach

For citation: Makhov, A.E. (2020), “‘...Draws us upward’. Topos in the final lines of Goethe’s ‘Faust’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 161–168, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-9-161-168

Завершающие вторую часть «Фауста» слова Мистического хора – “Das Ewig-Weibliche / Zieht uns hinan” – памятли упоминанием загадочной Вечной Женственности, которой посвящены специальные работы [Neumann 1985; Синоло 2013]. Однако мы хотели бы привлечь внимание к самой последней строке, где говорится, что эта Вечная Женственность тянет (или даже тащит) нас вверх. “Hinanziehen” в данном случае значит именно «тянуть что-либо наверх, в более высокую сферу», как утверждаетс в словаре языка

Гёте [Dreisbach 2004, S. 1161]; таким образом, Вечная Женственность, несмотря на свой нематериальный характер, действует как вполне материальная сила (если понимать глагол “ziehen” буквально, а не метафорически): она тянет, тащит.

В текстах разных эпох встречаются параллели к этому образу, а именно – упоминания некоей силы, которая тянет или тащит человека вверх. Эта сила обозначается различным образом и, конечно, нигде не именуется Вечной Женственностью, которую следует признать изобретением Гёте. Однако все подобные упоминания содержат, хотя и на разных языках, глагол «тянуть/тащить». Это наводит на мысль, что мы имеем дело с топосом именно в том смысле, в каком о нем говорит Эрнст Роберт Курциус, определивший топосы как устойчивые литературные «схемы мысли и выражения» [Curtius 1941, S. 1]. «Схема мысли» в данном случае состоит в наделении духовной сущности материальной силой – она тянет человека ввысь. «Схема выражения» задана повторяющимся ключевым словом, в функции которого выступает отнюдь не Вечная Женственность, но именно глагол «тянуть/тащить».

Приведем примеры присутствия этого топоса в текстах. Самый ранний находим в первом увещании «К Феодору падшему» Иоанна Златоуста: толкуя слова ап. Павла о спасительной надежде (Рим. 8, 24), Златоуст уподобляет ее свисающей с неба крепкой цепи, «которая удерживает наши души и понемногу тянет к вершине тех, кто крепко за нее держится»¹. Здесь фигурирует и духовное начало (надежда), которое тянет вверх человека, и глагол (*anelkō*) с материальным значением «тянуть вверх, тащить». В эпоху Средневековья топос выступает в латинском варианте: сила «*sursum trahit hominem*» (глагол “*trahere*” точно соответствует немецкому “*ziehen*”) – «тащит/тянет человека вверх». Самый известный вариант латинской версии топоса находим в часто цитируемом четверостишии из стихотворения XII в., авторство которого приписывалось Уолтеру Мэпу и Вальтеру Шатильонскому:

*Creatori serviunt omnia subiecta, / Sub mensura, numero, pondere
perfecta; / Ad invisibilia per haec intellecta / Sursum trahit hominem
ratio directa* (Всё подчиненное Творцу служит ему, созданное согласно мере, числу и весу; к невидимому, которое постигнуто посредством этого, вверх тянет человека правильное умозаключение [Curtius 1973, S. 494].

¹*Joannes Chrysostomus. Paraenesis sive adhortatio ad Theodorum lapsum. I // Patrologiae Cursus completus. Series Graeca. Vol. 47. Paris: J.P. Migne, 1863. Col. 279–280.*

Текст обыгрывает два библейских места – из «Книги Премудрости Соломона»: «Ты все расположил мерою, числом и весом» (Прем. 11, 21); и из послания Римлянам ап. Павла: «Невидимое (*invisibilia*) Его от создания мира узревается, постигаемое через то, что создано (*per ea quae facta sunt intellecta*)» (Рим. 1, 20). Контаминируя эти места, автор добавляет в свое построение и наш топос: умозаключение (*ratio*), постигающее во всем видимом заложённые в нем «меру, число и вес», тащит/тянет человека к невидимому. Совсем в другом контексте топос появляется у одного из предполагаемых авторов этого четверостишия, Вальтера Шатильонского, – в сатире на пороки своей эпохи: «*Nescimus vestigia veterum moderni, / Regni nos eternitas non trahit superni, / Ardentis sed nitimur per viam inferni* (Мы, новые, разучились ступать по следам древних, нас не тянет к себе вечность небесного царства, но зато мы устремились к огненному аду)»².

В первом тексте человека тянет вверх его же «умозаключение», во втором – «вечность небесного царства»; другие средневековые тексты, сохраняя устойчивую предикативную часть топоса (обозначение действия – “*sursum trahere*”), также варьируют субъект действия. У Гуго Сен-Викторского таким субъектом выступает мудрость: «*Sapientia sursum trahit, et concupiscentia deorsum* (Мудрость тянет вверх, а вожделение вниз)»³. Абсалон Шпринкирсбахский в рассуждении о четырех смыслах Священного Писания приписывает способность тянуть человека вверх высшему, анагогическому смыслу:

Исторический смысл наставляет в истине; моральный воспитывает волю; аллегорический укрепляет веру; анагогический тянет вверх посредством созерцания (*anagogicum, qui sursum trahit per contemplationem*)⁴.

Наконец, то же действие могут совершать Богоматерь и Иисус Христос. В шестом видении Хильдегарды Бингенской Богоматерь говорит: «*electos eius sursum ad coelestia traho* (избранных его [Иисуса] тяну вверх к небесам)»⁵. В молитве, приписываемой

² *Chatillon W. von. Moralisch-satirische Gedichte / Hrsg. von K. Strecker. Heidelberg: Winter, 1929. S. 97.*

³ *Hugo de S. Victore. Homiliae in Ecclesiasten // Patrologiae cursus completus. Series latina (далее – PL). Vol. 175. Paris: J.P. Migne, 1854. Col. 195.*

⁴ *Absalon Sprinckirsbacensis. Sermo XXXIX // PL. Vol. 211. Paris: J.P. Migne, 1855. Col. 227.*

⁵ *Hildegardis Bingensis. Visio sexta // PL. Vol. 197. Paris: J.P. Migne, 1855. Col. 518.*

Ансельму Кентерберийскому, просьба «тянуть вверх» обращена к Иисусу: «Могущественнейший царь, тяни меня вверх к тебе (*trahe me sursum ad te*), чтобы я побежал за тобой в аромате благовоний твоих»⁶. Автор молитвы в этом месте обыгрывает строку из Песни Песней, которая в нескольких версиях Вульгаты⁷ выглядит так: «*Trahe me post te curremus in odorem unguentorum tuorum* (Тяни меня за собой, побежим в аромате благовоний твоих)» (Песн. 1, 3). Однако, как и в случае с вышеприведенным четверостишием «*Creatori serviunt...*», в библейскую аллюзию внедряется наш топос. В молитве Ансельма это достигнуто простой заменой слова “*post*” на “*sursum*”: автор просит тянуть его не *за* собой, но *вверх*, что даже приводит к противоречию с последующим глаголом «побежим», предполагающим движение по горизонтали, а не по вертикали.

В новом, гуманистическом контексте топос появляется у Боккаччо, использующего его при прославлении поэзии как самого достойного человеческого занятия. Сравнивая профессии юриста и поэта, Боккаччо решительное предпочтение отдает второй:

«Думаю, что лучше выбрать то, что тянет душу к высшему (*trahentem ad sublimia mentem*), а не то, что гнетет ее к земному»; “*sublimia*” можно понимать здесь в пространственном смысле, поскольку для Боккаччо поэзия в самом деле «обитает на небесах» (*cum celos inhabitet*)⁸.

Понятая как небесная сила, поэзия тянет человека к себе вверх. Однако топос продолжает жить и в религиозных контекстах, но в обновленном виде и не только на латыни, но и на народных языках. Мы находим его в книге эмблем, созданной французской протестанткой Жоржеттой де Монтене. В пятой эмблеме, озаглавленной «*Non tuis viribus* (Не твоими силами)», изображен висящий в воздухе магнит, который притягивает к себе человеческое сердце. Магнит символизирует Иисуса Христа, о чем говорится в подписи: «Как железо поднимается вверх посредством магнита, так человека притягивает Бог посредством Христа (*Comme le fer s'esleve par l'aumant, / L'homme est de Dieu par Christ tiré aussi*)». Человеку не следует слишком мнить о себе: «Христос, истинный

⁶ *Anselmus Cantuariensis. Oratio XVIII. Ad Christum* // PL. Vol. 158. Paris: J.P. Migne, 1853. Col. 897.

⁷ Варианты этого места приведены в издании: *Biblia Sacra juxta Vulgatum versionem*. 5 Aufl. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2007. S. 997.

⁸ *Boccaccio G. Genealogie deorum gentilium libri*. Bari: Laterza, 1951. Vol. 2. P. 687–688.

магнит, поднимает его [человека] к высотам, а не его собственная добродетель, труды или заслуги»⁹. Христос «тянул вверх» человека уже в вышецитированной молитве; теперь топос облечен в новую «естественно-научную» образность (магнит!), однако преемственность со старой версией топоса сохраняется на словесном уровне благодаря глаголу “tírer”, который точно соответствует латинскому “trahere”.

Немецкоязычный вариант топоса находим в «Страстях по Иоанну» Иоганна Себастьяна Баха, а именно – в арии сопрано (автор ее текста неизвестен), которая звучит вслед за речитативом № 12 – «За Иисусом следовал (folgete) Симон Петр и другой ученик», подхватывая его ключевое слово «folgen»: «Ich folge dir gleichfalls mit freudigen Schritten (Я также следую за тобой радостными шагами)». «Я» – это душа христианина, которая идет за Иисусом и во второй части арии обращается к нему с просьбой: «Befördre den Lauf, / Und höre nicht auf, / Selbst an mir zu ziehen, zu schieben, zu bitten (Ускоряй [мой] ход и сам не переставай меня тянуть, толкать, просить)»¹⁰. Из трех глаголов, передающих желаемое действие Иисуса, два подчеркнуто материальны – «тянуть» и «толкать». Иисус тянет, заставляет почти что бежать; вероятно, этот образ подсказан вышецитированным местом из Песни Песней: “Trahe me post te curremus...”. В арии речь идет, казалось бы, о движении горизонтальном – как и в Песни Песней; однако мы уже видели, что автор средневековой молитвы преобразовал это горизонтальное движение в вертикальное простой заменой “post” на “sursum”. То же самое проделывает и Бах – однако чисто музыкальными средствами. В тексте указание на движение вверх так и не появляется; но мелодия на словах “an mir zu ziehen, zu schieben” на протяжении трех тактов в настойчивом и ровном движении шестнадцатых поднимается на октаву. В системе барочной музыкальной риторики, которой в целом следовал Бах, этот подъем, конечно, обладает символическим смыслом и уточняет текст: Христос тянет и толкает именно вверх. Топос здесь, как видим, достраивается музыкой.

Материальность глагола «тянуть/тащить» (trahere, ziehen, tírer) предполагает возможность его визуализации. Визуальный образ возникает как ответ на вопрос, что, собственно, нас тянет вверх? Ответ прост: это цепь или даже веревка, свисающая с неба. Метафора такой цепи появляется уже в вышецитированном тексте

⁹ *Montenay G. de. Emblemes ou devises chrestiennes. Lyon: Marcorelle, 1571. № 5.*

¹⁰ *Bach J. S. Johannes-Passion / Klavierauszug von G. Rösler. Leipzig: Peters, o. J. S. 27.*

Иоанна Златоуста, а также в трактате «О божественных именах» Дионисия Ареопагита – в том месте, где молитва сравнивается с цепью, которая свисает с неба:

Устремим же себя молитвами, чтобы взойти в высочайшую высь к божественным и благим лучам, как бы постоянно перехватывая рука-ми ярко светящуюся, свисающую с неба и достигающую досюда цепь и думая, что мы притягиваем к себе ее, на деле же не ее, пребывающую и вверху и внизу, стягивая вниз, но поднимая к высочайшим сияниям многосветлых лучей себя¹¹.

Свисающая с неба цепь или веревка иногда появляется и на изображениях – в редком типе иконографии Вознесения Богоматери, связанном с легендой о ее поясе, который она оставила апостолу Фоме, чтобы он уверовал в ее вознесение. Легенда связана с тосканским городом Прато, где и хранится эта реликвия (*Sacro Cingolo*). В изображениях Вознесения, отразивших влияние этой легенды (работа Ридольфо дель Гирландайо в соборе Прато; фреска Содомы в «Оратории ди Сан Бернардино» в Сиене), Мадонна, находясь уже в небесах, сбрасывает вниз пояс, за который ухватывается апостол. Пояс соединяет руки Богоматери и апостола – нет сомнения, что художники хотели визуально передать парадокс: пояс одновременно и брошен вниз, но и, как орудие веры и спасения, тянет вверх. Сходный парадокс есть и в тексте Дионисия Ареопагита: молящемуся кажется, что он тянет вниз к себе цепь, свисающую с неба; на самом же деле эта цепь тянет его вверх.

Итак, мы увидели, что две части топоса, которые можно условно обозначить как номинативную и предикативную, по-разному ведут себя в процессе его исторической модификации. Номинативная часть, содержащая определение субъекта действия (той силы, которая тащит человека вверх), многократно обновлялась посредством включения разных инстанций – надежды, вечности, мудрости, анагогического смысла, правильного умозаключения, поэзии, даже Богоматери и Иисуса Христа. Гёте в эту изменяющуюся часть топоса подставляет свою Вечную Женственность. Но предикативная часть топоса остается практически неизменной, во всех случаях заключая в себе глагол «тянуть/тащить» (на разных языках) и указание на движение вверх, которое может быть выражено и невербальными средствами (в упомянутой арии Баха). Такая конструкция топоса позволяет ему и обновляться, и сохранять узнаваемость.

¹¹ *Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии* / Пер. Г.М. Прохорова. СПб.: Глаголь, 1994. С. 79.

Литература

- Синило 2013 – *Синило Г.В.* Концепция Вечной Женственности и каббалистический контекст «Фауста» И.В. Гёте // XXV Пуришевские чтения: Сборник материалов и статей. М.: МПГУ, 2013. С. 66.
- Curtius 1941 – *Curtius E.R.* Beiträge zur Topik der mittellateinischen Literatur // Corona Quernea. Festgabe Karl Strecker zum 80. Geburtstag. Leipzig: Hiersemann, 1941. S. 1–14.
- Curtius 1973 – *Curtius E.R.* Europäische Literatur und lateinische Mittelalter. 8 Aufl. Bern; München: Francke, 1973.
- Dreisbach 2004 – *Dreisbach E.* Hinanziehen // Goethe-Wörterbuch. Band 4. Stuttgart: Kohlhammer, 2004. Sp. 1161.
- Neumann 1985 – *Neumann M.* Das Ewig-Weibliche in Goethes “Faust”. Heidelberg: Winter, 1985.

References

- Curtius, E.R. (1941), “Beiträge zur Topik der mittellateinischen Literatur”, *Corona Quernea. Festgabe Karl Strecker zum 80. Geburtstag*, Hiersemann, Leipzig, Germany. S. 1–14.
- Curtius, E.R. (1973), *Europäische Literatur und lateinische Mittelalter*, 8 Aufl., Francke, Bern, München, Germany.
- Dreisbach, E. (2004), “Hinanziehen”, *Goethe-Wörterbuch*, Band 4, Kohlhammer, Stuttgart, Germany. Sp. 1161.
- Neumann, M. (1985), *Das Ewig-Weibliche in Goethes “Faust”*. Winter, Heidelberg, Germany.
- Sinilo, G.V. (2013), “Concept of the Eternal Feminine and the Kabbalistic context of Goethe’s “Faust”, *XXV Purishevskie chteniya: sbornik materialov i statei* [25 Purishev’s Conference. A collection of proceedings and articles], MPGU, Moscow, Russia, p. 66.

Информация об авторе

Александр Е. Махов, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; makhov636@yandex.ru

Information about the author

Aleksander E. Makhov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; makhov636@yandex.ru